

ЮЛИЯ СИНЦА

Скажи да

18+
18

Юлия Сеница

Скажи Да

<https://litres.ru/74220417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пока герои моих книг любят и рискуют, я в свои 38 лет заперлась дома. Думала, что управляю летом, пока южная ночь с 25-летним архитектором не лишила меня права ничего не чувствовать. В его взгляде — Сеул, в руках — гитара, но опаснее всего его нежность — она лишает воли. Кто-то словно издевается, сталкивая нас повсюду: от бассейна и салона красоты до полок со спреями от комаров. Я могу навсегда остаться в четырех стенах, а он — в разочаровании. Или мы позволим этой чужой игре заставить нас сказать «да»?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	58
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юлия Сеница

Скажи Да

Пролог

«Да» твой легкий или тяжелый , но выбор».

— Ты привез меня в «Книголов»? — я ожидала кафе, кино, да хоть домино или пускай бы любой другой книжный, но не флагманский, в котором давно ориентировалась с закрытыми глазами.

— Хотел показать тебе по-настоящему живое здание. Оно обнимает уютom и светом знаний. Чувствуешь? —его слова звучали вкрадчиво, а миндалевидные глаза наполнились предельным очарованием, блуждая по стенам и окнам, которые будто и правда оживали под его взглядом. —Смотрит арочными витринами! Полынный фасад, как выгоревшая книжная обложка. Это юг, как иначе, — пожал он неловко плечами, — солнце приглушает яркость.

— Оставил атриум на десерт?

— Значит ты уже была здесь, — Максим удивленно посмотрел на меня, поджал губы и отвернулся.

— Не похожа на интеллектуалку? — я усмехнулась.

— Надеялся. Если есть хоть малейший шанс услышать «Ах!».

— То ты в деле, — дополнила я, — но это здание старше нас лет на сто, — я замолчала, прикидывая поточнее, но сразу плюнула, это игра не в мою пользу и продолжила — и живу здесь с детства, поэтому логично, что видела его хотя бы снаружи, но ты продолжай, может, увижу, что-то твоим свежим взглядом.

— Тогда это уже не атриум на крыше, а озеро, с новорожденным льдом, на которое сверху падают капли морозящего дождя. В воду попали капли звездной пыли, поэтому они переливаются.

— Внутри мы не будем заходить? — Я снова вторглась в его рассказ, от страха, если ситуация вне контроля—превращаюсь в увесистый булыжник, сухой, но хотя бы гладкий.

— Конечно зайдем! — восторг его по-прежнему горел в темных глазах, будто в бездне зажигался факел. В том его возрасте мир невероятно пестрый и привлекательный, а в моем уже меркнет и поскрипывает. А ещё сейчас в них отражались мои белесые пряди и голубые глаза. Сколько всего в одних только глазах.

Он по-хозяйски прошелся рукой по выпуклой резной деревянной раме:

— У них стеллажи не из клея и щепок, а старинные шкафы из массива! — Парень смутился на долю секунды, понимая, что возможно, перебрал с эмоциями, прошелся рукой по волосам, умиряя их назад, но оценив мое напускное спокойствие на лице, прямо спросил: — Ты все это и так знаешь?

— Просто задумалась, — не могла же я сказать, что просто сдрейфила. Остался один шаг до разоблачения, но вдруг мне повезет, и мы уйдем не заходя внутрь.

— О! Посмотри, заснеженная тайга и этот малюсенький домик в тени. Четкая прорисовка. Сибирская сказка, — он наклонился и заинтересованно рассматривал разложенную башенками новинку в окне-витрине.

— Можно и так сказать, — тихо подтвердила, притрагиваясь пальцем к теплему стеклу. Я точно знала, как ощущаются пальцами бугорки очертаний избушки и силуэты хвойников на матовой обложке.

— Уже прочитала? — его мимолетный взгляд порхнул по мне и снова вернулся на обложку. — Освежающее чтение в зной, стоит оно того?

— Нет. Слишком наивное чтиво, — ответила я, наигранно зевая и махая в сторону ладонью. — Ну пойдем уже отсюда, дружок. — Может по морожке? — Знаю-знаю, примитивно, но вдруг поможет увести его отсюда.

— Простите... Это же вы?! Да!? — в разговор вдруг вклинился тоненький девичий голосок.

Вместо ответа я хоть и запоздало, но присела, поправляя не существующий ремешок на своих балетках, надеясь, что волосы скроют моё лицо и девушка посчитает, что обозналась.

— Ой! А подпишите! — мои старания не сработали. Она присела ко мне и настойчиво сунула под нос ту самую книгу

с витрины.

Мне показалось правильным выудить из сумочки Паркер, с хрустом открыть книгу на коленях и расписаться на титульном листе, будто бы скорость поможет замаскировать очевидное. Вернув книгу, я скосилась на него, надеясь, что он до сих пор разглядывает витрину и ничего не видел, заседание на корточках. Но он же не глухой, даже если и не видел.

— Ого! Ты её написала? — спросил Максим, наблюдая с высоты своего роста, его глаза наивно округлились, как у кота, а уголки губ поползли вверх. Я лишь молчала в ответ, выпрямляясь и поправляя складки на юбке. Это не самое страшное, но уже начало конца, успокаивала я себя или накручивала, не знаю.

— Тебя раскрыли, — он наблюдал за мной, явно сдерживая улыбку, пока счастливая читательница удалялась. — Я может тоже хочу книгу с твоим автографом! — теперь его улыбка расцвела во всю ширь.

— Не любишь мороженое? — со вздохом ответила я, потирая лоб.

— Теперь мы обязаны зайти.

Я не умела быстро соображать, а если пыталась, то голова сразу пухла, поэтому просто зашла в отворенную передо мной дверь.

— И много у тебя книг? — игриво выпрашивал он, войдя внутрь, прыгучей походкой приближаясь к стопке книг в центре магазинного зала.

— Хватило, чтобы составить из них прикроватную тумбу, — доказательство реальной пользы творчества это плоскость для хранения светильника и очков, а не просто заложенный в книге «угадайте-какой смысл».

— Мебель это хорошо, я тоже складываю новые книги на пол и только когда прочитаю нахожу им место в шкафу, — он взял в руки мою книгу и медленно перелистывал листы, выхватывая попавшиеся случайные фразы. Хм, я и сама обожала так делать. Ритуал помогал понять стоит ли книга моего внимания или нет, ведь случайности не случайны. Я не торопила его, хоть и нервничала, и просто стояла и наблюдала за ним. Его большая ладонь держала книгу, а пальцы порхали по листам, бережно их перекидывая, одну за другой, не пропуская. Иногда он останавливался, вчитывался и потом продолжал листать. После он осмотрел заднюю часть обложки, с отзывами моих друзей-писателей, закрыл книгу, взял ещё две и приложил их все к себе явно намереваясь купить.

— Здравствуйте Марго! Здорово, что вы к нам зашли! — и вновь в наш разговор вмешались, на этот раз бойкий продавец с именем Дарья, написанным на бейдже.

— А...Да. Добрый день, Дарья. — Не хватает только Юрца, выпрыгивающего из-за плаката.

Девушка расцвела, услышав свое имя:

— Как удачно! Мы постеры разместили с книгой, вам нравится? И ещё начали регистрацию читателей на встречу с вами в следующем месяце. У нас же всё в силе? Да? — градус

позитива говорящей снижался до критического минимума, видимо из-за моего выражения лица. Я не хотела, чтобы он знал кто я, тем более, что я автор «на слуху». Все это ни к чему. Я хотела быть просто Маргаритой, как героиня из моей книги, та какой я хочу быть в эту минуту, а не теми ролями, надежно закрепленными в моей жизни. Просто Маргарита может быть любой. Свободной и смелой.

Неуверенность в лице, смененная страхом замахала белым флагом. Явный знак, что пора думать о делах, а не заигрывать со своими фантазиями о мире, где можно быть хоть сказочной феей, хоть злобным карликом. В него она уже начала превращаться. А хотелось бы в первый вариант. Пока он узнал, что я Марго Миро. Ладно. Правда же? Ну заметила меня поклонница в компании с молодым мужчиной, не совсем привычной внешности. Тоже не критично.

— Встреча будет, без вариантов, все согласовано, — махнув рукой и надеясь заодно отогнать новые сомнения я озираясь в поисках Максима. — Простите я должна идти. — Я обнаружила его с телефоном в руках. Веселье на его лице сменилось невняtnостью, пока он напряженно приближался ко мне.

— Маргарита? — он обнажил свое запястье, изгибая руку и протягивая мне экран телефона, на котором светилась знакомая фотография: мужчина в строгом светлом костюме, обнимает меня, а рядом с нами трое нарядных детей.

Он заглянул мне в глаза, как бродячий пес, а я почувство-

вала себя той, кто выгоняет животных, когда они надоедают. Я сама ненавидела таких, потому и представила.

Между бровей Максима отчаянно проступили две глубокие складки.

— Идём со мной, — пришло время объясниться без чужих взглядов. Крепко обхватив его запястье, я потянула его за собой вверх по винтовой лестнице.

— Фото с презентации новой книги Марго Мирó. Семья пришла поддержать автора бестселлера «Дикие домашние», — продолжал зачитывать Максим, стискивая зубы. Гнев медленно закипал в нём. Когда мы наконец поднялись на крышу и остались наедине, под слепящим солнцем, я начала было свою исповедь.

— Я... Я объясню тебе. Послушай, — солнце безжалостно пыталось хорошенько меня поджарить, будто одного взгляда этого мужчины недостаточно. А потом он обрушил на меня колкий град своих слов:

— Что слушать! Ты замужем! У тебя дети! Трое! Когда ты хотела это рассказать? — он говорил, захлебываясь от потока слов: — Изменять, обманывать! Зачем? О-о-о! погоди! — продолжал он метать слова. — А может твой муж вообще за? И это ваши такие ролевые игры? Припадки знаменитостей! Погуляешь и домой возвращаешься? А? А я для тебя одноразовая вещь?! Пластиковая тарелка? — он с силой потер влажные глаза тыльной стороной руки. Я впервые увидела его слёзы и возненавидела себя ещё и за это.

Глава 1

Неделей ранее.

— Юрас Карабас, здорова? Чего заранее не обозначился?

— я растеряно отвечала на звонок домофона.

— Ай хорош, я знаю, ты дома, — на экранчике сиял мой шеф — невысокий рыжий добряк.

Хорошенькое начало. Нажав на кнопку, дверь открылась и впустила незваного гостя. Я вышла на улицу, дожидаясь его на крыльце. Чтобы попасть в дом нужно пройти через сад в глубь участка. Хаотичные посадки яблонь, платанов, штамбовых роз, высоченной шелковицы и аккуратных магнолии соседствовали с пушистыми кустами гортензий и вейгелы. Только успевай подстригать буйную растительность, впрочем, я любила это дело, пожалуй, больше остальной работы в саду: отсекая лишнее, результат работы виден сразу, что особенно расслабляет. А потом садишься напротив и любишься с чувством удовлетворения попивая ромашковый чай.

Дорожка из мятных закругленных плиточек изгибаясь вела к домику в два этажа отделанному светло-бирюзовой и бежевой штукатуркой и деревянными вертикальными панелями. Навес крыльца по центру, повторял двускатную светло-серую крышу.

— Заходи. Извиняй за бардак! Особенно на кухне. Гото-

вила и не успела прибратся.

— Пфф. Я думал, ты хотя бы чистоту наводишь, вместо работы, а ты, — он серьезно посмотрел на меня, а потом откровенно заржал. — Рита, сворачивай горячку, — в этом весь он, неуправляемый порыв, из-за этого мне с ним бывает тяжело. Но ценность нашей дружбы важнее неудобств. — Аромат бомбезный! Как уживается в тебе кулинария и точечная фигура, не понимаю, категорически не понимаю!

Когда мы начинали с ним работать, его издательство было небольшим, постепенно, отчасти не без помощи моих книг и его особенного чутья на модные веяния, оно выросло и заняло внушительное место на рынке. Шефом я его называла по привычке, с тех времен, когда пришла к нему на вакансию стажера. Сейчас все ключевые вопросы по своим книгам я принимала самостоятельно, не отказываясь от его посреднической помощи между мной и исполнителями.

— Как ты? — на ходу поинтересовался Юра пока мы шли на кухню.

— Функционирую.

— И что ты там ваяла? — спросил он, усаживаясь за длинный овальный стол, покрытый льняной скатертью.

— Шарлотку. Только вынула, ещё горячая. Будешь?

— Не откажусь от чаёчка с углеводами. Диету в пекло.

— Чёй-то! — поёрничала я, поднимая с пирога полотенце.

— Алиска помешалась на моем похудении. Заставляет

считать калории.

— К чему утренний обход? — на циферблате моих наручных часов стрелки показывали девять часов четыре минуты.

Украсив пирог сахарной пудрой, я отрезала шефу добротный кусище и поставила кипятиться чайник:

— Лопай-не сдам, можешь не считать. — Поставив перед гостем фарфоровое блюдо с пирогом рядом положила тряпичную желтую салфетку, а поверх десертную вилочку. Стол начинал напоминать более обжитой, привычный вид. Отвернувшись, я приготовила чай заливая дымящимся кипятком заварку с веточками мяты и тоже присела к столу.

— Слушай, шарлотка обалденная. Но глава- жуть! Очень плоско. При всём уважении. Целлофановый герои никогда за тобой не значились. Что с тобой! — тыча пальцем на жидкую кучку листов, которые я до сих пор не заметила, — Ритос, может тебе сменить профессию?

Я вздохнула через чур громко:

— Не знаю. Ничего не приходит.

— Дай им жизни! Вспомни себя! Я давно талдычу о твоём отпуске, пожалуйста результат. Женщине надо нюхать свободу.

— Уговорил, — сказала я, признавая своё поражение, будто это было легко, а Юра уставился на меня, совершенно не ожидая такого поворота.

— Сто-Ритэл! Сейчас-то куда! Ты что! Ты что! Ты подставляешь всех. Я не смогу вырулить такое без последствий.

Осознаешь? — испуганно застрекотал Юра, забыв про угощение.

— Твои предложения, — я не понимала куда он клонит.

— Вариант-помощник.

— Призрак, который напишет за меня?! Я не верю. Юр!

— я всверливалась в него взглядом и воинственно сжимала вилку в руках. Чего доброго, и слезы брызнут от обиды.

— Ладно-ладно. Перебор. Ритун, даю тебе четыре дня. Выброси телефон и не подходи к ноуту. Четыре. Это можно. Я как-то попробую. Сходи куда-нибудь. Ты живых людей в том веке видела в последний раз?

— Не жести, — я даже огрызнулась.

— Ляпнул не подумал. Но ты знаешь, тебе надо взбодриться! В спа сходи, Алиска это просто обожает. Массаживсякие масляные, горячие камни, что только там не вытворяют.

— Я не умею просто лежать. Я с ума сойду.

— Ритуаз! То-то и оно. Давай, составляй список, как ты любишь и шуруй! Я клянусь. Проверю. Узнаю, что ты дома приду и метлой выгоню.

— Ты серьезно?

— Шутки в том месяце кончились. Я беспокоюсь.

— Ты лицо заинтересованное. Тебе положено.

— Мы все в коматозе, что скрывать. И Ириша!

— О чем ты.

— Она звонила.

— И что сказала?

— Что грядет большая проблема. — Юра выпалив решение, успокоился и теперь спокойно подъедал пирог, тщательно прожевывая.

— Какая? — я ритмично отстукивала вилкой об столешницу, ожидая его ответа, это хоть немного спасало от напряжения.

— Называется затворничество. Слыхала?

Я выдохнула с облегчением и произнесла без злобы:

— Дураки!

— Давай-давай, сердись, это лучше, чем тофу.

— Ты конечно шеф, но не повар.

— Слушай-ка! Кстати! Очень кстати! Вот, — он вытащил из внутреннего кармана клетчатого бордового пиджака продолговатый конверт. — Ритуаз! Держи приглас на гастро-ужин. Организаторы-маркетинговое агентство, они хотят вплотную заняться книжным продвижением и ищут автора, известного, но в меру, чтобы было куда расти. Классно я придумал?

Хвалить я его не стала, перебьётся, вместо этого раздраженно спросила:

— Присвоить все почести себе? При чем тут я?

— Как же! Ну что ты! Лицо, мозг, язык — всё при тебе. Идеальное попадание! — с восторгом, почти кричал он.

— Мне это не нужно! — проговорила я, отодвигая от себя черный конверт, — И я не среднячок, если на, то пошло, я

в самом низу.

— Ты вне всех уровней и тебе нужно развеяться! Очень! Завтра в 18, как штык. Я буду там, не придешь, скажу всем, что ты уходишь на пенсию.

— Сдурел? Ты старше меня на сколько? На двадцать, тридцать?

— На сто тридцать. Давай, не торгуйся. С тебя текст, а не пустой файл с названием и я замолкну.

— Может мне лучше на курсы записаться?

— Кто вести будет? Ты? — уточнил босс прищурившись.

— Уже нет.

— Твой курс называется «вытащи свою задницу аутсайд», — пожурил он пальцем и только потом улыбнулся.

— Ты меня специально провоцируешь?

— Раздражение – это уже что-то. Дальше злость. Так и до плюса доползем, — Юра доедал крошки, оставшиеся от пирога, подушечкой пальца собирая их по тарелке, вместе с сахарной пудрой. — Увидишь, через три дня ты напишешь стоящее чтиво, а не эти писульки.

— Юрец, спасибо за веру, — я встала и отвесила ему идиотский поклон. С ним помогало только движение, любое, иначе давно придушила бы.

— Всегда готов.

— Это был сарказм, если что.

— Да пофиг, лишь бы помогло. Ритусик, это нужно, поймай.

— Ладно Юрусик, — повторила я его сюсюкающую интонацию. Я тебе припомню, когда ты попросишь эксклюзив на новую книгу.

Аха, новую. Такими темпами мести не быть. Тьфу. Да прав он, прав. Но от этого не легче. Ни на грамм.

— Ризотто! Докажи, что тебе есть ещё чем потряхнуть!

В ответ я только хмыкнула и выпроводив гостя села перед белым экраном компьютера, пытаясь написать хотя бы слово.

Да что я теряю, если схожу на один дурацкий ужин, а остальное время попробую отдохнуть, в кино схожу или что ещё там люди делают?

Погуглив составила список из пяти пунктов, в которые входили: пикник, массаж, летний кинотеатр, концерт и открытый бассейн. Достаточно.

Глава 2

Не знаю, что напугало меня больше: вынужденный отпуск или пустота в голове вместо мыслей, чем я могу потряхнуть на предстоящем мероприятии.

Мое старательное игнорирование происходящего заставило нервничать дорогих мне людей, и если не ради себя, то хотя бы ради них я должна это прекратить. Поэтому проснувшись с утра, я пообещала себе действовать.

Жизнь—удивляй меня.

С этой самой минуты.

Приказав себе сделать первый глубокий вдох, я почувствовала, как с теплым сухим воздухом наполняются цветущим медовым каштаном, пряными прутиками лаванды и душистыми розовыми бутонами, мои легкие.

Если сегодня день безумных поступков, о чем с утра сообщил фэншуй прогноз, то пора действовать.

Наступая удобными лодочками по серой брусчатке, мой взгляд то и дело нырял в ещё сочные зеленые ровно скошенные оазисы, в упругие и уверенные шарики парковых крон и возвращался обратно к дороге под ногами.

Гулять на шпильках — это ли не начало безумия?

Если ты живой — ты дышишь, думала я, смотришь, а ещё непременно слышишь и чувствуешь. С последним намного

сложнее.

Присев на скамейку с чугунными витыми ножками и закрыв глаза, я вслушивалась в городскую музыку. Заливной смех с детской площадки смешивался с игривыми струйками воды в фонтане, песнями птиц и далеким гулом машинного хода.

Дети не думают о прошлом. Им интересно продолжение. Пора и мне повернуть туда фокус.

Может быть агентство было «вау», но название ужина «Вкус слов», не добавляло им баллов за креативность.

От меню в виде книжки, глаза бесконтрольно закатились вверх, а после прочитанных названий блюд с цитатами классиков и вовсе расхотели возвращаться на место. Фоном звучали стихи, под живой аккомпанемент гитары, фортепьяно и трубы. Гостей рассадили за длиннющим столом, освещенным светильниками, создающими через чур интимное освещение. Свет направлялся исключительно на сервировку, лица гостей оставались в тени. Другой край стола заканчивался темнотой.

Юрец, а точнее его голос, как обычно хохотал, подкидывая к столу модные байки. Он сидел по правую от меня сторону и иногда нашептывал подхихикивая, что-то вроде: «твои коленки эффектнее, чем вся эта их прошлая дива», или «угорь — это не та рыба, что просится на постер», «ебита какая-то, а не цифры» и периодически звенел рюмкой.

Окружающие совершенно меня не интересовали, поэто-

му, после витиеватых закусок молчаливо ожидала салат «Ласка».

Согласно тексту, обещали маринованный в розмарине перепел, с красными листьями салата вельвет и луковыми перьями, заправленный цитрусовым соусом. В приписке к названию курсивом располагалась цитата Ф.М.Булгакова: «Ласка... единственный способ, который возможен в обращении с живым существом. Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло.»

Как было бы просто, хочешь ласку— вот тебе —поглощай салат.

— Рили! А вот сейчас самое бы время тебе включится, — обратился ко мне шеф между делом.

— Я даже не вижу с кем ты говоришь, — тихо, но четко ответила я.

— Да какая разница? Просто поддерживай. Покажи свою заинтересованность.

— Обожаю фальшь.

— Пойдем-ка покурим-ка.

Я закатила глаза, похоже к концу вечера они надежно застрянут на лбу.

После Масяни следующая алко-станция Петросян.

Юра взяв со стола светильник, подставил его к моему лицу как на допросе и зыркнул так, что мне пришлось последовать за ним.

Фотозона, рядом с туалетами заодно совмещала в себе курилку. Две дамы и один кавалер вальяжно развалились на глубоком белом кожаном диване и лениво спорили.

В полукруглое кресло на высоких ножках плюхнулся Юра, предварительно пододвинув ко мне ещё одно, но я продолжила стоять за спинкой с бокалом игристого в руке.

— Нет, Вадик. Сейчас никого не удивишь ни Золушками, ни Красотками. Нужен скандал! — с деланно — скучным видом доказывала девушка в безликом черном платье.

Этот Вадим пускал дым в потолок и смотрел туда же. Его голые щиколотки отсвечивали, между лоферами и узкими брюками дудочками. Изящная в изгибе рука держала тонкую сигарету.

Вторая девушка в похожем черном подхватила разговор в том же русле:

— Знаю, что ты скажешь. Камин-аут тут тоже не пройдет.

Вадим затянулся со вкусом и смакуя выпустил густой дым вверх.

— Отметать идеи ваше любимое, а предложить слабо? — проговорил он, изучая рогатую люстру, облепленную крупными кристаллами.

Девушки замялись, но промолчали.

Холеный мужчина отпустил свою темную во всех аспектах голову и заметил нас.

— Юр Борисч, что делать? — обратился он к шефу, но просканировал меня от талии до макушки, поскольку

остальное было закрыто креслом. Очевидно оказалось этого мало, и он наклонился, почти лег на диван и заодно на колени одной из девушек. Наглец теперь рассмотрел меня в полный пусть и небольшой рост.

— Философия не мой конек, Вадим Аркадич, — Юра сказал, проглотив часть букв, так что получилось Адич и тоже затынулся. Хорошее отчество, очень подходящее.

Значит знакомые. Девушка пересела к собеседнице, и они активно зашептались, не смущаясь нас.

— Вы уже нашли автора? — спросил у Адича Юра.

Значит этот товарищ-директор агентства и организатор сегодняшней вечеринки. Жаль, что его щегольской и дерзкий вид не имеет ничего общего со стилем его агентства.

— Хочешь, — Вадим покосился на меня, и обвел пальцами свои усики над верхней губой, — предложить? — Девушки одновременно замолчали и посмотрели смотрели на него, а потом на меня.

Вроде бы гривы и копыт у меня не значилось, но ощущала я себя конем на выставке.

— Марго Мирб. — Юра выставил ладонь параллельно полу и направил её на меня.

— Дикие животные, — Вадим почти зевнул на последнем слове.

— Домашние, — поправил его Юра, а я хмыкнула, понимая, что тот нарочно сделал ошибку в названии книги, показывая, что сейчас он главный. Мой шеф никогда не шелкал

такие выпады, за что я любила его святую простоту. Человек он был по природе добрый, собственно поэтому прощала его болтовню.

— В ногах правды нет, Марго, — услышала я слова Вадима и медленно закрыла глаза, чтобы опять не закатить.

А что меня злило и раздражало? Не знаю, возможно эти смотрины или то, что я не хотела здесь быть или то, что понимала, что сдуваюсь, как писатель. Я должна настроиться и использовать шанс на успех. Да и этот Вадим, вполне ничего, если бы не мой скептический настрой и мое желание называть его исключительно Адич, чему он будет думаю не сильно рад.

Останусь смотреть на него сверху вниз, чтобы хоть как-то выровнять позиции, решила я. Ему явно было не комфортно и он выпрямил спину. Он шепнул что-то одной из дам и те дружно покинули нас. Он погладил ладонью сиденье дивана рядом с собой, намекая присоединится к нему на освободившееся место.

Планерка превращалась в явный флирт.

Юре надоело поглядывать на нас по очереди:

— Марго-Топ, — сказал Юра, проигрывая бровями, — знаешь рейтинги лучше меня.

Взялся за своё старый сводник.

Кавалер замялся:

— Зачем нам раскрученный... кхм... бренд?

— Никаких рисков.

— Да уж.

Не пойму на что он намекает.

— Поколение игрик! Очень удачно! Прикинь-ка. Это не твои Никки-Тикки!

— Нужен инфо-повод, помимо новой прически и подтяжки.

Гадство, значит они говорят про мой возраст.

— На сцену выходит живой человек, все наелись силиконом! У тебя всегда была чуйка на тренды, — кинул Юра последнюю фразу и встал с кресла, а я наоборот села, вернее даже осела:

— Раз вы всё обсудили, теперь и я скажу, — я скрестила руки на груди, закинула ногу на ногу и откинулась на спинку кресла. Адич наклонился в мою сторону. — Время слишком дорого, чтобы его тратить. Я точно не ваш вариант, — игриво ответила я, — и конечно уже далеко не Никки, но ещё вполне себе не Жозефина, чтобы говорить о подтяжках, тем более при мне.

— Извините за этот разговор, вышло даже по мне скверно, — серьезно сказал Вадим, подобравшись. Его напускная расслабленность выветрилась вместе с дымом.

— Да, Рит, что-то очень не очень, — мялся Юра.

— Юрик, ты будешь прощен, если сегодня никого из вас я больше не увижу, — мило улыбнулась я и встала.

— А как же горячее? — Вадим потрудился даже поднять-ся.

— Прожарки на сегодня достаточно. — Я развернулась и зашла в дамскую комнату и так отчего-то стало тошно. Отметилась перед, Юрой. Всё. Сыта.

Не получается у меня никакого светского общения. Ничего у меня вообще не получается. На этих мыслях я выронила из сумочки небольшой флакон духов в виде капли, тот разбился о гранитный пол. Ромбы угольного и охрового цвета на полу заблестели. Запах в маленьком помещении быстро распространился, глаза заслезились, и я почему-то так перепугалась, что выскочила на улицу, где меня окрикнул Юра.

— Ритулечка. Я хотел просто вас представить. А он распушился. Зачем только я начал его убеждать. Ты же наша звездочка, не надо тебе этого ничего. Твои читатели любят тебя и ценят. Прости, что обидел. Мы же с тобой сколько уже знакомы, а помощница? — Юра хихикнул, слегка задев меня локтем. Я тоже улыбнулась.

— В Минске! Помнишь! У тебя тогда было такое лицо, — он заливисто захохотал.

В ту поездку я выпустила свою первую книгу, и мы поехали с Юрой на её презентацию. Я очень испугалась, когда толпа под дверью настойчиво стучалась в дверь, чтобы получить автограф автора, а поскольку меня ещё никто не знал в лицо, то я упросила Юру сделать это за меня. Всё бы прошло гладко, если бы не заявился распорядитель и не попросил помощника помочь в актовом зале и мне пришлось пойти за ней и перетаскать сорок коробок собственных книг с перво-

го этажа по лестнице на второй, в актовЫй зал и затем разложить их красивой пирамидкой, пока Юра любезно раздавал автографы и попивал кофеек в гримерке. Когда я взмыленная вернулась он удивленно спросил «чего это я раскраснелась и где пропадаю?».

— После презентации тебя начнут узнавать на улице, в кафе, в магазине, с тобой будут делать селфи не только когда тебе это удобно. Слава дает разрешение на круглосуточный доступ в твою личную жизнь.

— Помню, — я обняла Юру, — всё помню, дорогой мой. А теперь я пойду, ладно?

Снова вышагивая вперед я вспоминала каким цыпленком была. И почему в этом нелепом «первом» было столько жизни и искренности, что не важно, как это на самом выглядело. А может быть потому и было очаровательным это сочетание.

Новое – всегда открывает живость.

Мне требуется что-то новенькое! Прямо сейчас!

Конечно! Новый духи!

Я четко знала какие они должны быть, отменяя предложения сладких ванильных или густых восточных ароматов. Более счастливая и благоухающая горьким апельсином и спелой смородиной с мятной содовой я вышла из парфюмерного, пронося за собой этот бодрящий шлейф.

Смородина – моё детство, с банкой густого варенья и столовой ложкой, достаешь его и смешиваешь с водой в хрустальном стакане, звонко гремя. Горький апельсин и шипуч-

ка — это праздник, который всегда с тобой. Что может быть лучше детства и праздника? Дружба зрелости и опыта с детством и праздничком, восхитительный коктейль.

Я не хотела снова становится ребенком, оказывается мне хорошо сейчас, в этом теле и в этом возрасте, и я бы ничего не хотела изменить в своем прошлом. С настоящим я разберусь, а будущее придёт само без спроса.

Поднося запястье к носу, я остановилась вдохнуть свой новый аромат, но помешал навязчивый табачный запах, который сегодня порядком приелся.

Рядом со мной в дымном облаке оживленно разговаривали трое высоких типов. Чуть дальше стояли ещё несколько компаний и тоже оживленно болтали и гоготали. Жизнь тут ощущалась всеми пятью чувствами, поэтому я решила понаблюдать, с пользой для работы.

Ближе всего ко мне стоял самый высокий, в худи с накинутым на голову капюшоном.

Не жарко ему в такую жару?

К его ровной спине прижималась гитара в чехле. Никаких значков и наклеек на потертой черной матовой коже, с парой карманов. Фанаты черного ещё не перевелись, что радует.

Второй, с утонченным профилем и с прилегающими к его вампирско-готскому типуажу длинными волосами, собранными в хвост. На его субтильном теле джинсы оставались только благодаря ремню и заправленной в них объемной футболке с черепами и розами. Последний, крепенький,

в серой майке, вертел в руках барабанные палочки.

— В общем забей! Серьезно! — отчеканил гитарист и дружески хлопнул рукой по спине гота, — От этих чувств одни проблемы.

— Ну не всегда. Бывает хорошо, — возразил барабанщик.

Капюшон хмыкнул, показывая подбородком в сторону друга.

— С ней огонь был. Понимаешь? А теперь пустота, — тихо добавил гот, поднимая голову к небу, а потом роняя её.

— Работа и музыकाют, что реально любит тебя в ответ. А остальное сплошные компромиссы, — произнёс капюшон, — себе во вред.

— Ты никогда не любил, вот тебя и бомбит — втягивая табачный дым настаивал барабанщик, лицо которого напоминало Честера из группы Linkin park.

— А Лена? — спросил гот у капюшона.

— Фламинго? Длинные ноги – розовый топ? — усмехнулся барабанщик, не давая ответить капюшону. — Ты бредишь?

— Но красивая ведь! — спорил гот, зажигая новую сигарету, но зажигалка только щелкала в холостую.

— Вот это «Но!» тебя не смущает? — оборвал его капюшон.

— Ладно, ты реально непробиваемый, — возразил ему гот. — Я так не могу, как дурак пишу ей, жду ответ, хотя знаю, что я в бане.

— Лучше песни пиши и на репы ходи чаще! А она... уже, наверное, тусуется с кем— то, а ты тут страдаешь.

— Вот ты жестко. Нельзя же вот так по щелчку. Человеку надо отойти, — сказал он капюшону, — Братан – прорвемся, — преувеличенно бодро добавил барабанщик.

— Хз... кажется я в ауте на долго.

— Это как сам решишь. Просто я реалист: все эти сказки про «вторую половину» не для меня. Работай, качай скиллы вот это разумно, — из-за спины гитариста отчетливо прозвучали его громкие слова.

Вот же повезет кому-то с таким подарочком. Во что же верить этим ребятам сейчас, если не в любовь, когда ещё не знаешь, что шанс полюбить выпадает лишь раз в жизни.

— Ты то известный электро-веник. Всё успеваешь. Но за-чем, если ты один, с кем разделить радость? — уныло докинул гот.

— Чтобы ни от кого не зависеть.

— Что плохого в зависимости? Мне нужна Маша, потому что мне с ней лучше. И вместе мы были сильнее, чем по одному, — с грустью в голосе размышлял гот.

— Это в теории. А в жизни, она ослабляет и оставляет, как ты сказал пустоту.

— Лады кенты, погнали, — сказал барабанщик, примирительно обнимая за плечи спорящих, — пофилософствуете после.

Они зашли в бар, на ходу продолжая разговаривать, оста-

вив меня один на один с призывно мигающей вывеской «БезУмие».

Часы на запястье уведомили, что ещё не слишком поздно для пары коктейлей.

В юности мы часто приходили заранее и ждали начало концерта у входа, в толпе таких же. Место встречи людей, похожих на тебя не внешне, а внутренне. Бунтари и романтики, окрыленные своими мечтами. Где сейчас мои крылья?

Я зашла в этот бар, оставив весь свой взрослый тягостный багаж на улице, свой страх не справится в этой жизни. Я уже справилась, но открыла эти двери не как подросток, а как женщина, знающая чего, хочет, прожившая прекрасную часть своей жизни, женщину, умеющую любить не только других, но и себя.

Рок-музыка звала меня, но не на столько, чтобы слиться в толпе у сцены. Мне нравилось слушать и наблюдать. Я чувствовала, как мои крылышки прорезаются, вдыхая дымный плотный воздух, пропитанный алкоголем, дерзкими девичьими духами и тестостероном.

Покачивая в своем олд фэшн джин тоник, с кубиками льда и долькой лайма, а не ту бодягу из прошлого, в алюминиевой банке.

Спустив туфлю на кончики пальцев, я покачивала ей под рычащую вдалеке музыку, сидя на лаковом барном стуле.

На мне была голубая юбка-карандаш закрывающая колени, но её целомудренность тут же отсекала молния, идущая

от талии по всей длине и позволяла регулировать разрез по настроению, давала возможность спокойно закинуть ногу на ногу. Топ делил меня по диагонали черной эластичной полоской ткани. Обнажая одно плечо и руку, одновременно полностью покрывая гладкой тканью другую руку и плечо.

Бросив мимолетный взгляд, я восхитилась увиденным, что заставило меня развернуться сильнее и позволить моим глазам насладиться. На стул рядом со мной приземлился фактурный парень в черной, без намёка на овер футболке, облегающей тело, граничащее с худобой. Светлая кожа была такой же редкостью, как и его футболка. Прическа с непослушными темными волнами смягчала его резкие скулы и прямой подбородок.

Мой взгляд давно научился отыскивать красоту в каждом, но его красота, не нуждалась в поиске, активно являя себя миру, не своей идеальностью, а особой мужской привлекательностью.

Я блуждала глазами, углубляясь в детали: татуировку в виде незнакомых сплетенных символов, обхватывающих часть шеи, кольца на длинных пальцах, напульснике вместо часов. Он заказал у бармена в джинсовой безрукавке колу.

В моем возрасте стеснение было уже пройденным этапом, выдаваемым довольную улыбку на моем лице.

Парень развернулся ко мне, заметив мой долгий считающий взгляд и бесхитростно улыбнулся в ответ. Его глаза заставили меня перестать дышать. Я тонула в его черных

глазах с восточным разрезом глаз. Я не понимала, он ухмыляется или просто смотрит в ответ.

Медленно положив крепкую жилистую руку на барный стол, он продолжал смотреть на меня. И тогда я не выдержала первая, заговорив медленно и уверенно, как могла:

— Я вижу у тебя было много историй.

— Да, — ответил он то ли утвердительно, то ли задавая вопрос.

— Осилишь ещё одну?

Он ухмыльнулся, приподняв одну бровь и призадумался, слегка погрузнев, быстро отбивая ритм пальцами по столу.

— Определенно, да, — увереннее произнес он после затянувшейся паузы, разминая шею, как спортсмен перед тренировкой.

— Ко мне или к тебе? — продолжила я расставлять сети. Безопасный вариант, без чувств и продолжения. Так я смогу, не больше.

— Ко мне, — тихо, чтобы не спугнуть произнес он, с аккуратной радостью в голосе.

Прекрасный ответ.

— Повтори девушке. — Он обратился к тому же бармену, забирая свой стакан с колой. — Я заберу вещи и вернусь, — сказал он мне и ушел.

Решил сбежать и откупиться коктейлем. Красиво. Воз-

можно я не была готова к продолжению. Смелость моя быстро сдулась. Так даже лучше. Изучать мореное покрытие барной стойки показалось мне самыми безопасным занятием. Приятное, гладкое дерево, за которым я просидела больше двух часов, но рассмотрела только сейчас. Это мой предел. Часы на руке показались слишком тяжелыми кандалами, от которых захотелось освободиться. Спустив их за тонкий браслет из белого золота в недра маленькой, но вместительной сумочки в форме полумесяца я скрепила магнитом её шелковистые створки.

На стенке за баром, массивные полки из распиленного и необработанного ствола дерева, держали на себе ряды бутылок из зеленого и коричневого стекла. Инсталляция из стекла и света, представляла собой пустые стекляшки, с мерцающими в них нитями.

Неужели мне недостаточно на сегодня? Я вышла из дома, я слушала музыку, я разговаривала с красивым незнакомцем. Дома мне предстоит переваривать эмоции несколько дней.

Кто-то в конце бара громко рассмеялся.

Я вздрогнула. Вдруг надо мной?

Парни, что стояли на улице у входа, теперь разговаривали в дальней части бара. Тот высокий, в худи, повернулся ко мне лицом, держа одной рукой гитару за гриф и жестом показал, что скоро подойдет.

Значит этот неверующий в любовь подарочек сегодня до-

стался мне? Как я могла не узнать его сразу. Надо сходить к окулисту.

— Вызовем такси? — как можно непринужденнее произнесла я, пытаясь контролировать ситуацию, когда мы вместе с ним вышли на улицу.

— Давай прогуляемся, я живу недалеко. Но если ты хочешь... Давай вызовем!

— Пешком хорошо.

Тепло летней ночи уютно обволакивало. Контрастную тишину бульвара нарушал только стук моих каблучков.

Он шел рядом, но чуть впереди, направляя по одному ему известному маршруту. Быстрее, чем мне бы хотелось, но я поспевала за ним.

— Каблуки. Я не подумал. В таких только от тачки до реста. Надо было на машине.

— Красота требует жертв.

— Да, но не всегда.

— Почти всегда.

Он неожиданно схватил мою руку, будто споткнулся на дороге.

— Можно? Ты не против? — запоздало спросил он, слишком смущенно для такого парня. Похоже он нервничал.

— Ты уже её взял, — я посмотрела на него, как на милого котика.

— Уже не далеко. Или. Знаешь, что! А снимай их. На руках! Может? Хочешь?

Я рассмеялась, от неловкости или от радости. Он вел себя совершенно не как мачо и мне это нравилось.

— Не переживай. Эти туфли одинаково красивы и удобны. Редкий случай.

— Тогда я рад. Фантастически рад. Ещё две улицы. Но моё предложение актуально, только свистни.

Его ладонь была теплая и мягкая, а кончики пальцев наоборот, загрубевшими, наверное, от игры на инструменте.

— Тебе не жарко в толстовке?

— Нет, если под ней ничего нет, — тут я нервно сглотнула.

Маргарита держи себя в руках.

Мы свернули в арку, сквозь которую пробивался освещенный желтыми фонарями внутренний дворик. Он не набросился на меня в лифте, поднимаясь на пятый этаж, а вежливо открыл дверь квартиры и пригласил меня войти первой.

Манеры делали его ещё привлекательнее.

— Можешь надеть тапочки, но у меня чисто. Проходи, пожалуйста, — он достал из отделения гитарного чехла пакет с футболкой, а саму гитару повесил на стенной крючок.

Пол действительно чистый. Никаких шмоточных завазов, крошек от чипсов или фантиков. С удовольствием сняв туфли, я прошла босиком дальше по коридору.

— Кину в стирку и вернусь. Уборная левее. Кухня прямо. Уборная. Чёрт. Лет двадцать не слышала это слово.

— Родители на даче? — ехидно бросила ему в вдогонку.

— Родители на даче, — повторил он задумчиво, — Почему? Нет! — вскрикнул он, будто обжегся. — Нет, ты что. Я живу один! Давно. Смешная ты. Приколистка просто, — и пригрозил мне пальчиком, почти как Юрец.

Немного с приветом, но ничего, лишь бы не пришлось спасаться бегством.

— Хочешь что-нибудь выпить: чай, кофе, колу?

— Лучше водички.

— С газом, без?

— Простую.

Он достал из холодильника бутылку, с водой на донышке.

— Блин, я же вот недавно. Чтож такое. Э... — вылил остатки воды в стакан и ушел в коридор, потом возвратился и вручил мне этот полупустой стакан в руки, — Я быстро, — крикнул он снова уйдя в коридор.

— С газом тоже подойдет, — крикнула я ему, но он уже захлопнул за собой дверь.

Вот он усыпил мою бдительность, сейчас запрет и прощай свобода.

Шутки шутками, а квартира у него интересная. Графское наследие с высокими потолками и арочными окнами. Старинные мягкие стулья вокруг овального стола, почти как у меня дома. Кухонный резной фасад гарнитура из массива, обработанный матовым белесым лаком.

Ворс кухонного ковра приятно щекотал ступни. Придвинутый к голому окну одинокий высокий стул, с которого оче-

видно приятно любоваться городским пейзажем, манил к себе, и я подчинилась. Мне полезно тренировать свой новый навык спокойного наблюдателя.

Когда я подумала, что пора бы хозяину уже вернуться, тот образовался в проходе с букетом и двумя бутылками в руках. приличным шампанским и водой.

Он передвигался, сбрасывая кроссовки, отправляя их лететь обратно к двери.

— Это тебе, — он положил на мои колени цветы и отошел, суетясь на кухне, доставая чистые стаканы, бокалы и салфетки.

А плюсы валились с неба сказочным дождем.

Я ничего не ответила, только обалдело наблюдала.

А вот это уже никуда не годится. Ночная разовая история чудесными метаморфозами обращается в свидание? Подарочек сошел с ума?

— Спасибо. Очень красивые! Люблю эустому, — я забылась, стоило только вдохнуть свежий аромат белых бутонов.

Как приятны неожиданные цветы. В глазах защипало. Успокойся, говорила я себе. Это просто цветы. Я должна быть игривой, а не мисс красные глаза.

— Так теперь делают? — подмигнула ему я чуть погодя.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Захотелось, — его голос будто дрогнул.

Он долил воды в мой стакан и наполнил высокие прямо таки царские фужеры шампанским.

— Давай поставим в воду, — он взял букет, обменяв его на бокал.

Я смотрела как он ловко выудил с высокой полки фарфоровый кувшин с синим узором, наполнил его водой, развязал ленту, подрезал стебли на разную длину, и погрузил их в воду, распушив цветы и поставил их в центр стола. Перестав копошиться, он вытер руки об вафельное полотенце, перекинутое на спинку стула, сделал вдох, как перед погружением в воду и только тогда я поймала на себе его скользящий взгляд. С этого момента, его будто подменили, жесты и движения замедлились.

— Мне кажется нам стоит выпить! — торжественно сказал он, медленно подходя к окну, где я сидела. Опершись боком на стену, он задержал на мне взгляд.

— Максим, — он звонко задел мой запотевший бокал.

— Маргарита.

— Маргарита, — повторил он, смакуя.

— Спасибо, что не стал напевать Леонтьева. Можно Рита. Как тебе нравится.

— Мне нравится Маргарита. Рита слишком просто для тебя, — проговорил он, приближаясь ко мне, но соблюдая минимальную дистанцию. Он смотрел, облокотившись на оконный выступ, но не на улицу, а на меня, как часом ранее в баре.

Его рука преодолела последнее расстояние между нами и спустилась, медленно расстегивая молнию на моей юбке по-

чти до самой талии. Его пальцы скользнули внутрь, дотрагиваясь до шелковой полоски, которую он отогнул.

— М-м-м, — выдохнул он, понимая, что я давно готова. Он решительно поднял меня за бедра, посадил к себе на талию и без слов отнёс в темноту его спальни.

— Поцелуй, — просила я медленно и почти беззвучно, когда он усадил меня на кровать, а я цеплялась за него и мечтала почувствовать всё сразу: его губы на своих губах, его пальцы на груди, его дыхание на шее, но вместо этого услышала неожиданный щелчок, комната слабо замерцала свечным полумраком.

Кремовые стены, плюшевое изголовье неприлично большой кровати, хотя меньшая для его роста означала спать, свисая ногами.

Его густые темные брови и черные маслянистые глаза, без боя уложили меня на лопатки. Острые скулы топили меня в океане мужской привлекательности.

Он медленно провел невесомо рукой от виска к шее, и едва касаясь и нежно исследуя, поцеловал верхнюю губу, после нижнюю. Я ответила ему с нетерпением. Наш поцелуй углубился, стал чувственным и сочным. Вся его суетливость стала неторопливостью. Он что смакует момент, вдруг подумала я, в его то двадцать пять или сколько там ему? Гнать такие мысли.

Он снял с меня топ, надетый на голое тело. Склонившись поцеловал плечо и сел на корточки, стягивая с меня трусики

он целовал мои лодыжки, щиколотки, колени. Пусть я уже давно покрылась пылью, но не дам своим мыслям испортить момент. Выпуская воздух из легких, чтобы расслабиться, я кажется даже присвистнула.

Я запомню эту ночь – не фантазию, и она не причинит мне боли. Я осмелела и запустила руки под толстовку. Пальцы исследовали его худое, но жилистое тело с мышцами. Вся суть пряталась от меня под одеждой. Нашупав его твердый живот, я покрылась мурашками. Скользя по широкой груди, плечам, ещё немного и начала бы царапать спину. Ущипните меня, как можно быть таким твердым.

Он поднял вверх руки, снимая свою толстовку, пока я растегнула ширинку на джинсах и сделала несколько движений, и он запульсировал в моих руках.

— Пог...О-о-о...х. Не-е-е-т, — произнес он со стоном. Я не прости... это... —он сжимал в руках толстовку. На его щеках, не смотря на полумрак, проступил малиновый румянец и тогда он уткнулся в моё плечо.

— Мне приятно видеть, ТАКУЮ твою реакцию на меня. Всё хорошо. Давай просто продолжим. Чуть позже, —шепотом успокаивая его, но хрипотца голоса казалась слишком сексуальной.

— Я же не мальчишка, спускать при одном женском касании, — сказал он, задевая губами мою шею. Он отстранился и сел, взъерошивая свои и без того лохматые волосы.

— Не надо. Я чувствовала, что ты возбужден, но не поня-

ла, как сильно, в этом и моя вина.

— У-у-у. Так не пойдёт, — он резко отбросил толстовку и вышел из комнаты, не дав себя рассмотреть. Быстро вернувшись, молча поставил на тумбочку рядом со мной стакан воды и бокал с шампанским и снова вышел.

Остановись же ты суматошный.

Решив не смущать его, я притворилась спящей, а сама внутри ухмылялась, успокаивая свою затаившуюся пантеру. Приятно знать, что я ещё могу так возбуждать. Забытое чувство будоражило сильнее пузырьков шампанского.

Максим вернулся, с мокрой головой, от него пахло лаймом и пряным перцем.

— Не спишь? — он шепнул и потерся носом о мою щеку.

— Немножко, — ответила я медленно поворачивая к нему голову.

— Твой голос... — он не стал ждать и развернул меня к себе за плечи и навис сверху, — скажешь ещё слово и я опять не сдержусь, — и подмигнул мне.

— На чём мы остановились? — спросил он, медленно целуя вдоль шеи. Слово «мы» заскребло внутри.

Ну и пусть. Есть ради чего потерпеть. Никаких мы больше не будет в моей жизни. Я сделала правильный выбор, когда выбрала его. С ним точно не будет проблем.

Я всё ещё была возбуждена до предела. Он чувствовал это, но двигался медленно убивая. Чувствовать его внутри бесконечно и желание спрыгнуть с вершины боролись во мне

как никогда.

— Быстрее, — молила я и через несколько резких толчков меня накрыл и убаюкал сладкий туман. Когда мои глаза почти закрылись он снова вошел в меня, двигаясь волной, все его движения были чувственными и плавными.

Я застонала от удивления и удовольствия. Он не менял позы, все ещё был сверху, только сейчас подsunул руку под мои бедра и приподнял их. Я почувствовала новое ощущение. Он продолжал. Нежность плавил меня. Пусть эта ночь длится вечно. Пожалуйста.

Я понимала ещё немного и снова расплылась в удовольствии.

— Почти...а ты?

— Lades first, — шепнул он и я почувствовала, что он улыбается, чертяга и заглянула в его глаза, но в них было страдание. Что происходит!

— Стой, тебе плохо? Больно? — спохватилась я. Это мне хорошо, а он что? Почему терпит? В этот момент он заткнул меня поцелуем.

— Наоборот, — на одном выдохе произнес он, — очень хорошо, — и я поверила и будто прыгнула с вышки и тогда услышала протяжный стон в ответ.

Боже, спасибо, думала я падая в сон, Юрцу за то, что отправил на ужин, Адичу что выбесил меня и я разбила души, дыму и бару, где я встретила его. Я свернулась и обняла подушку. Его теплое дыхание на моем затылке и шепот:

«Утром повторим» — убаюкали меня моментально.

Когда солнечный свет настойчиво пробивался сквозь не полностью зашторенные портьеры, я поняла, что пришло время уходить и попыталась тихонько поднять обнимающую меня тяжелую руку и выскользнуть из постели, но вместо этого разбудила мужчину. Назвать его иначе, после ночи открытий было невозможно. Он не пытался меня удивить бесконечно, меняя позы, показывая свои умения, не был груб или слишком нежен, напротив он делал все в точности как я любила, вопрос в том, как он это понял? Так бывает с первого раза, без разговоров и постепенного узнавания друг друга? И меня почему — то совсем не заботило заметил ли он мои пусть и маленькие, но морщины, потому что чувствовала, что он смотрит, но не оценивает, а принимает и в ответ отдает себя. Я видела его прекрасное сильное тело, как он чаще дышит от моих поцелуев и, если захотела, пожалуй, нашла бы в нем пару изъянов, но я видела его целиком: отними что-то и будет другой человек, а мне нравился этот.

— Ты куда? — спросил он, пробуждаясь и цепко ухватил меня за запястье.

— Мне пора.

— Ещё слишком рано, — он открыл сонные щелочки глаз, продолжая держать мою руку, — у тебя дела с утра или ты хочешь уйти потому, что тебе не понравилось? — спросил он низким серьезным тоном.

Он что правда так думает? Я должна была сказать ему как

он хорош, но больше всего мне не хотелось утренней неловкости, когда ночная романтика сдулась и он видит размазанную тушь под глазами и не помнит твое имя.

— Всё было прекрасно, но утром карета превращается в тыкву, и по правилам я должна уйти ещё до того, как ты проснешься.

— Забей на правила, — вдруг выдал он, — мне хорошо с тобой, пожалуйста останься, — не дожидаясь моего ответа он утянул к себе и провел рукой от шеи до поясницы. Это и правда против правил. Я почувствовала его горячее дыхание и сдалась. Подумаешь ещё часок и больше мы не увидимся.

Он прижал мою голую спину к своей груди, лаская и сжимая грудь одной рукой, другой разгонял во мне новые волны удовольствия.

— Максим, — простонала я, заглушая себя своей же ладонью, — зачем?

— Тшш... — только ответил он и шире раздвинул мои ноги. Плевать, на несвежее дыхание, на гнездо из волос на голове, на все, только пусть он продолжает в том же духе. Не ожидая никаких секс —марафонов, тем не менее он случился и когда я перестала понимать где мои конечности, а где его и полностью отдалась процессу, то очнулась, когда растеклась по простыне и смотрела на потолок, который казался расплывчатым. Сколько времени прошло, пока я отмерла, не известно, звуки воды из душа объясняли отсутствие моего темного друга с фарфоровой кожей.

Как давно мне не было так хорошо. Я начинаю снова чувствовать себя и эту жизнь вокруг. На экране моего телефона скоро полдень, это нечто, я проверила почту и положила его обратно на тумбочку. Максим деликатно заглянул на секунду в комнату.

— Можешь взять мою одежду в шкафу и приходи завтракать, — протараторил он и ушел, после душа к нему вернулась суетливость.

В душе на полочке Максим оставил для меня новую зубную щетку, синюю, такую же, как у него и стопку свежих полотенец.

Заботливый мужчина, который не верит в любовь? Почему же он ведет себя душка? Чтобы расплавить этим комбо? Странно.

После душа я вернулась в спальню, и хозяин шкафа смог снова меня удивить. Здесь были не только футболки и джинсы, но и несколько кашемировых свитеров, белых рубашек и даже смокинг в прозрачном чехле.

Гардероб не кричал пестрыми красками, скорее умеренно присутствовал в виде однотонных монохромных вещей.

Хм. Начищенные до блеска лоферы, соседствовали с белоснежными кедами. Однако до глаженных шнурков было далеко. Аккуратно сложенная стопочкой одежда покоилась на полках, рубашки висели на одинаковых вешалках, да и весь антураж в целом никак не вязался с этим парнем-неформалом. Единственным беспорядком здесь веяло от черной

обувной коробки с горкой, набитой кубками и медалями.

Отдельно высилась стопка базовых белых футболок из плотного хлопка. Для себя я тоже выбрала белую футболку, на ней обнаружилась надпись soul fire, что в переводе —огонь души. На мне она заканчивалась на уровне колен, вполне сойдет за платье.

— Выбрала любимую, — ответил Максим, в серых спортивных трениках и белой майке. От одного его вида можно поплыть, а от кухонной лопатки в его руках и вовсе двинуться рассудком. Мужчина на кухне — особенная моя слабость.

— Могу выбрать другую, — сказала я подходя к распахнутому окну, в которое смотрела вчера.

— Глупости, тебе в ней классно!

В дворовой тени под синий капот копейки по очереди заглядывали два юнца, перемазанных мазутом и о чем-то активно спорили, энергично размахивая руками. Женщина в платке, покрывающем объемные бигуди на голове держала шланг, высунутый из окна первого этажа. Она поливала цветы на клумбе, возле подъезда, ритмично покачивая бедрами и беседовала с соседкой выглядывающей с балкона второго этажа.

— Я умею готовить только глазунью, поэтому вот, — указал глазами Максим на чугунную сковородку. У какой бабушки он ее отжал?

Привычка побуждала меня помочь, но жажда заботы убедила остаться на места. Мне можно, хотя бы раз.

— Чай или кофе? — уточнил он, держа чайник на весу, не электрический, а самый настоящий эмалированный, красный в белый горох, который греют на плите.

— Чай! И если у тебя есть лимон и сахар — будет чудно.

— Тогда заварю в чайнике на двоих.

— Не кофеман? — вот тут я прямо удивилась.

— Иногда пью, но чай люблю больше.

— Ассам, Английский завтрак? — прищурясь гадала я.

— Первое.

— Так и знала, — рассмеялась я и села за стол, сервированный приборами, посудой и салфетками. Почти как дома, ведь дома давно нет цветов — Я думала кроме меня в этом мире все помешаны на кофе.

— Как видишь, — Максим засмеялся, раскладывая яичницу по тарелкам.

Эустомы на столе сильнее распустились и стали ещё прекраснее. Помимо яичницы Максим приготовил пшеничные тосты, нарезал дольками овощи и сыр.

— Только не говори, что ты ешь эти тосты на завтрак, каждый день!

— А что? — спросил он, откусывая с хрустом тот самый кусок быстрых углеводов.

— С такой фигурой это невозможно!

— А. Ты об этом. Ну я не лопаю их каждый день. Редко и только после секса.

Мой чай вдруг пошел носом, вместо того, чтобы попасть

куда положено, и я стала задыхаться от кашля.

Максим тут же оказался рядом и начал хлопать по моей спине. Спустя несколько минут кашель прошел, и он вернулся на место.

Он значит альфонс, а я дура не поняла, теперь все сходится: его любезности, старательность, комплименты имеют определенную материальную выгоду в будущем. Ладно. Как пощечина, но да ладно, денег он от меня все равно не дождется, не на ту напал, да и мне есть кому и без него подкинуть денег.

— Всё хорошо, — сказала я, чувствуя себя неловко, вытирая проступившие от кашля слезы.

— Нелепая смерть от чая, — весело произнес он, — хотя им все равно, не придется краснеть перед живыми.

— Бывают варианты похуже, — я думала о том, что, если моя жизнь действительно закончилась бы прямо здесь, на этой кухне, рядом с человеком, имя которого узнала только вчера, да ещё и Альфонсом докучи. Не самый худший для меня вариант, но не для моих родных. Сколько мне осталось? И не профукала ли я слишком много времени. Ему понятно весело, смерть от него пока за границей горизонта.

— Сколько время? — антикварные часы украсили бы стену в гостиной или спальне.

— Не люблю тиканье. Создают лишнее давление.

Действительно. Бесплезная вещь и зачем их вообще придумали.

— Или твои возрастные гости не любят? — хмыкнула я, прикрывая оскал чашкой. Пусть знает, что я щелкнула его намерения.

— Ты о чем? Возрастные кто? — он кажется ушел в размышления, а потом широко улыбнулся, — Я не такой! Эй! Ты чего такое придумала! Нет у меня никаких гостей. Я вообще не гостеприимный.

— Я бы сказала наоборот.

— Нет и нет! Чтобы там не придумала-ко мне не относится, я нормальный.

— В чем подвох? — осмелилась я спросить прямо.

— А он должен быть?

Я кивнула, поджимая губы, чтобы не наговорить аргументов из прошлого.

— Ладно, с этим мы потом разберемся, — опять это его мы, — остынет.

— В общем часы нужны чтобы не опоздать — глупо решила его просветить.

— Там, где тебе нужно быть ты всегда окажешься вовремя, пусть и не в срок, — ответил так ответил. Не тот что мои детские догадки.

— Судьбой всё предрешиено, и мы ни на что не влияем?

— Почему же, — удивился он моему выводу, — Не нагнетая результат достигается быстрее. Вспомни, как в детстве мы ждали Нового года. Бесконечный декабрь. Но сейчас, этот праздник почему — то застает нас врасплох на-

кануне или в сам день икс.

— Странно в такую жару говорить о зиме.

— Дисгармония? Вот и часы её создают. Ещё чаю? — слова Максима вернули меня из клубка размышлений. Никакой он ни альфонс, зачем я вешаю эти ярлыки, тем более что все это к вечеру будет не актуальным, мы разбежимся в свои разные жизни.

— Наливай, — ответила я, будто мы сидели в полночь в баре и квасили беленькую. — Играешь в баскетбол?

— Бросок в мой рост? У нас все в семье высокие. А про спорт, сейчас в основном зал, иногда бег. Не хватает времени. А ты? Твое тело, — он закусил губу, — упругое и соблазнительные изгибы, тоже мимо зала не проходишь? — его откровенное и мечтательное повествование, бросило меня в жар, а горячий чай показался кипящей лавой.

— Мне приятно, — осторожно поблагодарила я, побаиваясь хлебнуть горячего чая от волнения. Я помахала ладонью на лицо, чтобы хоть как-то освежиться. — Да и ещё бассейн, — мысли о холодной воде не помогли остудиться.

— Эта ночь была для меня настоящей, — он улыбнулся и сел рядом со мной, его утренний поцелуй был свеж и полон надежд.

Подарочек с сюрпризом удивлял меня все больше, хоть иногда и подкидывал сомнений. Я пересела на его колени и гладила волнистые пряди жестких глянцевых волос. Мы допили чай, так и просидев на одном стуле. Я знала, что совер-

шила огромную ошибку — позволила зародиться своей новой жизни. Я боялась думать. Я так делала всегда, если видела что-то жуткое, то не смотрела туда проходя мимо, шла вперед, блокируя ход мыслей.

— Какие у тебя сегодня планы?

— Лечу на Багамы, — брякнула я, не на самом же деле он спрашивает, а чтобы культурно отшить меня, намекая на свою сверхзанятость.

— Круто! А я по субботам полностью свободен, нарек днем творчества и вдохновения — он ответил расстроенно и нисколько не удивившись, — Когда вернешься?

— Максим, я вообще-то пошутила. У меня просто куча дел, — их конечно у меня не было, отпуск знаете ли, но я встала, оглядываясь в поисках сумочки.

— Я отвезу тебя.

— Не стбит.

— Но я хочу.

— Хорошо, тогда поехали, только переоденусь.

— Оставь себе. Тебе очень идёт.

Я улыбнулась, не зная, что ответить.

— Две минуты, и я буду готов.

— Захвати юбку!

Он вышел из комнаты в широких черных льняных брюках и поло, в тон к глазам.

Я надела юбку, заправила в неё край просторной футболки и была готова.

— Классный лук!

— Спасибо и у тебя, — выглядел он отпадно, вот как мужчинам легко, помыл голову накинул хоть что-то и уже топ, а этот так вообще Топ о зе Топ.

В коридоре Максим завязывал шнурки на кроссовках, а я надевала туфли.

— Я помогу, — совершенно буднично обнял ремешком туфли мою щиколотку и повторил то же самое с другой ногой. Поднимаясь, провел пальцем до бедра, прислонил этот палец к своим губам, подпирая большим пальцем подбородок, и в довершение посмотрел на мои губы, оставив меня разве что глотать воздух как рыба. — Готова?

— Да, — о чем бы ты не спрашивал.

Мы вышли за руку из подъезда в приподнятом настроении, утренний ветерок встретил нас своей легкостью. Максим подвел меня к припаркованной двухместной серебристой Ауди ТТ 2000 — х годов.

— Раритет.

— Все говорят ей пора на свалку.

— Не слушай их.

— Как видишь.

Я назвала адрес дома, с параллельной моему дому улицы.

— А ты водишь?

— Раньше. Лет десять уже нет, наверное, разучилась, но когда-то любила. И горланить песни.

— Давай! Что включить?

— Не знаю, — он подсоединил телефон, не знала, что так можно в таких старушках и включил Maroon5 «Sugar», я стала подпевать и он улыбнулся, наверное, каким-то своим добрым мыслям.

— Мы живем в одном районе. Почему никогда не встречались?

Наверное, потому, что я безвылазно сидела дома: работала или рыдала по-кругу.

— Это нормально, соседи по подъезду не видят друг друга и в итоге знакомятся на работе, удивляясь что они оказываются живут чуть ли не через стенку, — разумно, как и всегда ответила я, пора включаться в реальность.

— Значит время пришло, — задумчиво проговорил он, уверенно держа руль.

Мы немного помолчали, каждый думал о чем-то своём, но в наших глазах сверкала тайная улыбка понятная лишь нам. Кажется, теперь я смогу написать не просто главу. Жизни во мне хватит на целый цикл. Большого не нужно.

Я наслаждалась последними проведенными вместе секундами. Ветерок ласково щекотал мне лицо, поднимая ленточки волос.

— Я позвоню тебе, — буднично бросил Максим на прощание.

— Ну-ну, — помню, что даже поморщилась. Как банально, номер он у меня не просил.

Я посмотрела на него: запоминая его глубокие странные

и немного хитрые глаза, широкий гладкий лоб с непривычно светлой кожей, нос, не узкий, скорее значительный, нижнюю губу чуть пухлее верхней, ямочку на выдающемся подбородке. Это была игра и мы никогда больше не увидимся. Спасибо тебе за ночь и за день, за мои новые расправленные широко крылья. Максим хотел выйти из машины и открыть дверь, но я жестом остановила его, погладила на прощание по щеке и вышла из машины. Не нужно, чтобы его кто-то здесь видел. Я не злилась на него, он романтик, и он хотел, чтобы все закончилось красиво, могу понять.

Я не повернулась, но ждала, когда он уедет, чтобы отправиться домой. И тут эпическое фаталити догнало меня. Забыла! Сумочка с ключами и телефоном осталась у него дома. Хорошо, что рядом жил Миша и у него с недавних пор хранились дубликаты ключей и позвонила в домофон.

— Мишань, привет, вынеси плиз мои ключи.

— Заходи, — дверной замок щелкун.

Лесная чаща в центре города привычно встретила меня до хозяина с подходящим своему жилью именем. Здесь у него все соответствовало: комары, хвойники всех видов, принципиально не стриженные, шишки под ногами, заросли травы и даже грибы, при желании можно было насобирать пару лукошек. Охотник по жизни — Мишка был надежной опорой и другом со школы.

В барском махровом халате он встретил меня в аккурат посередке участка, видимо сразу же с ключами ринулся меня

спасать.

— Привет Маргоша, где свои посеяла? Ты же не из таких,
— мы поприветствовали друг друга дружеским поцелуем в щеку, и он передал мне связку ключей с брелком в виде яхты.

— Отлетела.

— Это хорошо. Для работы хорошо. Правда? — уточнил он, внимательно присматриваясь ко мне.

— Ну да, — пожала я плечами.

— Ты меня извини за вид.

— Ой, хорош. Мы друг друга видали.

— Слушай, может кофе?

— Да мне домой надо.

— Понял. Но ты вообще, как?

— Все в порядке Миш.

— Я рядом. Ну ты знаешь.

— Да. Спасибо. Пойду.

— Я провожу.

— Давай, я открою и сразу верну. Пусть у тебя будут.

Попав домой на меня снова рухнули воспоминания, которые я держала подальше от всех.

Заварила чашку чая и вышла в сад, сидя на качели, вдыхала с воздухом любимый аромат английских роз, особенно слышный по вечерам и любовалась шапками кустов гортензий, розоватых на кончиках, подсвеченных уличными гирляндами. Мой любимый ритуал. Добавив в чай веточку шалфея, я забралась с ногами на мягкие качели, накрыла ноги

пледом. И всё равно чего — то не хватало, заметив на руке бледную полоску я вспомнила, что оставила свой телефон, вот ведь действительно отлетела, а самое главное в сумочке мои часы, а с ними я точно не могу расстаться.

Глава 3

Чтобы наверняка застать Максима дома и забрать у него свое оливковое хранилище мелочей, начиная от дорогих сердцу часов, духов и помады, до телефона, в семь утра следующего дня я стояла на пороге его квартиры и нажимала на кнопку звонка, проигрывающего мелодию Эдварда Грига «Утро».

Сонный босой Максим, в одних трусах, поздоровался, широко отворяя дверь. Никакого удивления или недовольства его лицо не выдавало. От него веяло негой и покоем.

— Сумочку, — хрипло проговорила, — я забыла у тебя сумочку. И телефон. Не звонил?

— Да? Не заметил, — отстраненно произнес он.

— Поищешь? Наверное, на беззвучном. Если бы не ключи...

Максим удивлено посмотрел на меня и подсобрался.

— Проходи. Ты что. Я. Ой. Я щас. Штаны надену.

— Не... — начала я, но Максим промчался мимо, по узкому коридору вглубь квартиры, а я за ним следом.

— Нашёл, — крикнул он из спальни.

Как она там оказалась, не пойму. А телефон точно оставался на тумбочке.

— Эта? — спросил Максим, одетый в серые штаны, протягивал мою прелесть вместе с телефоном. Футболкой он

пренебрег.

— У тебя есть другие женские сумочки? — опешила я.

— Нет. Конечно, нет. Встать – встал, а проснуться забыл.

— Извини, что разбудила, — мялась я в гостиной.

Он подошел ближе. Ещё ближе.

— Кофта! — Максим изящно дотронулся кончиками пальцев до своего лба. — Ты же её тоже забыла!

— Точно. Дырявая голова — я глупо улыбнулась. — Извини, забыла вернуть футболку, — как я голову не забыла не понятно.

— Оставь, я же говорил.

Максим снова ушел в спальную и вернулся с моей аккуратно сложенной вещью в крафтовом пакете.

Мы стояли и от неловкости между нами звенел воздух.

— Чаю? — неуверенно предложил Максим.

— Нет, — четко отрезала я, но с надеждой во взгляде посмотрела на него .

Он встряхнул головой, отмахиваясь от услышанного отказа.

— Тогда может быть... — он дотронулся до моей согнутой в локте руки с сумочкой и пакетом. Не в силах терпеть, я первой сократила расстояние, и он сдернул с меня рубашку.

Помогая ему: пытаюсь сбросить джинсовую броню, я запуталась, падая в руки Максима. Ему снимать особенно было нечего, поэтому он помогал мне стаскивать штанины, опустившись на колени.

Наплевать. Когда ещё рядом будет мужчина с таким телом? Еще раз. Последний.

Он что-то шептал на ухо, опускаясь на меня сверху. Целовал куда дотягивались его губы. Но я не хотела ласки и его слов, я хотела чувствовать его внутри, здесь, в гостиной, на пестром ковре.

Я перестала соображать, держась в этом мире, только за его дыхание. Мои ноги оказались у него на плечах. Хорош, очень хорош, в движениях своего сильного тела. Грубые подушечки пальцев заставляли дрожать и задышаться, смыкая ноги от чувствительности. Я пыталась не кончить слишком быстро, растягивая последнее удовольствие и представляла в уме поезд и Анну Каренину, но это почти не помогало. Поезд превращался в нечто сексуальное, а Анна в моего друга. Потом он встал вместе со мной и поднял меня ещё выше, обхватил и я сгибаясь в спине парила в воздухе. Чувствовать себя легкой в руках партнера, быть частью его удовольствия возбуждает похлеще любых ласк. Он сел вместе со мной на диван. Мы двигались теперь вместе в общем ритме. Он держал меня за спину и прижимал к себе. Я увидела звезды, свет, искры и что-то там ещё, от удовольствия и от того, что уткнулась так сильно в его плечо и вонзалась в него зубами, что воздух перестал поступать. Я дрожала и пульсировала на нем, одновременно причиняя ему боль, а он прикасался мягкими губами.

— Маргарита, — протяжно и тихо, из глубины горла про-

изнес Максим, освобождаясь от напряжения и потянулся за поцелуем. Неожиданно для себя я отстранилась. Он повторил безуспешную попытку. Нельзя! Никаких поцелуев, если я хочу уйти с целым сердцем. Он почувствовал, как я отвергаю его и широко распахнул глаза.

— Опаздываю на работу, — ляпнула я и резко встала. Выворачивая джинсы, я озиралась по сторонам, избегая оборачиваться и смотреть на диван.

Максим молчал. А мое сердце разрывалось от собственной жестокости. Пока он не сделал мне ничего плохого, скорее наоборот.

Закончив с джинсами, я надела их, схватила свою рубашку, кофту и побежала в коридор, подбирая на ходу босоножки.

Блин. Опять. Я понеслась обратно.

В гостиной Максима не оказалось, как и сумочки.

Да что ж такое. Что я делаю.

На кухне тоже было пусто. Тогда я решилась зайти в спальню. Максим сидел на кровати, опустив голову, обнимая её обеими руками.

Рядом, между складок белого постельного белья лежала сумка. Я как можно тише подошла, чтобы забрать его, но он услышал, резко выпрямился и встал, придавив меня всем телом к стене.

— Трахнуть и уйти? Такой план? Ты специально её оставила?

— Отпусти. Не знаю.

— Я же человек, а не просто член.

— Прости. Дай мне уйти.

— Сперва объясни.

— Чем ты не доволен? — Максим всколыхнул меня за живое.

— Ты не называешь меня по имени, не смотришь в глаза, не даешь себя поцеловать в губы и сбегает. Что я должен чувствовать?

— А ты такой идеальный, да? Никогда не с кем так не делал! Только по большой любви? Просто смешно.

— Ты ошибаешься на мой счет.

— Я бесчувственная консервная банка. Ок. Мы это выяснили. Всё? Теперь отпусти.

— Я бы понял, если бы не было нашей первой близости. Ты была другой.

Я заметила, как он расслабил руки и отошел, поэтому дернулась к двери, но он снова придавил меня обратно к дверному косяку.

Я задыхалась, не понимая, что он задумал.

Его губы накрыли мои, нежно касаясь. Разряд внутри меня остановил сердце.

Поцелуй ударил меня уязвимостью целующего и запустил моё сердце вновь. Максим отдавал себя этим поцелуем, и я сдалась. Закрыв глаза, я целовала, принимая его ласку. Мои ноги не слушались, подкашиваясь. Я теряла опору и цепля-

лась за напряженные плечи. Единственное, что меня спасало от падения – руки Максима, он не только сжимал меня, но и приподнимал над полом.

— Давай начнем в следующий раз с этого, — сказал он, отпуская.

Всё вышло из-под контроля. Мне точно есть что написать в книге, даже слишком много. Заходить так далеко я не готова. Следующего раза не будет. Никогда. Я выбежала со своими манатками, но за мной никто не гнался.

Под кустом давно отцветшего жасмина притих мой Крайслер ПТ круизер или как я называла его любимая медная калоша. Сидя за рулем машины по прежнему стоявшей во дворе Максима я заглянула в свой добытый трофей, но возвращать его содержимое на руку не торопилась, а дома я убрала часы в шкатулку. Я не хочу больше думать о времени, теперь оно не важно.

Глава 4

С детства я боялась воды и с трудом держалась на воде. Я посмотрела фильм «Вдох» в прошлом году и решила подружится хотя бы с водой. Возможно меня успокаивало состояние невесомости на мели или что над одним страхом в жизни я одерживаю победу, не знаю, но каждую пятницу почти три года я занималась в бассейне с тренером.

— Как обычно, Маргарита, на первую дорожку, — сказала мне Светлана, после того как мы с ней поздоровались. Она по всей видимости закончила вуз несколько лет назад и в основном обучала плаванию детей. Мой выбор пал на неё, из-за её мягкого ведения занятий, за которым я наблюдала, приходя сюда просто поплавать, как умею. Ее тренировки полностью отвечали моему запросу: постепенно научиться доверять воде и освоить основные стили плавания.

Я уверенно спустилась по ступенькам в бодрящую воду и приступила к разминке с доской для плавания.

— Сто метров брасом, — тренер выдала мне новое задание.

— Готово, — ответила я, когда закончила.

— Десять выдохов в воду.

Последний выдох. Ожидая новое задание от тренера, я болталась у бортика. За спиной тренера из раздевалки вышел высокий парень в черной шапочке, плавках и очках для

плавания, со знакомой фарфоровой кожей и татуировкой на шее в виде пластичных и строгих линий. Вытянувшись в струну, он нырнул с бортика головой в воду. Это что ещё за фокусы природы?

— Вы чего скучаете? — проговорила моя тренер, заметив мою заминку, — Держите колобашку. Сто метров на одному боку и сто на другом.

И что теперь? Здраваться с ним или не замечать? Пока я доплывала до конца дорожки Максим умудрялся проплыть два бассейн на одном дыхании, лавируя под водой между ещё двумя неумелыми пловчихами в розовых чепцах.

— Готово, — отчиталась я Светлане, запыхавшись, Максим тем временем плыл как положено, где-то под водой.

— Отлично, отдыхаем. Двести метров на спине, руки стрелочкой. Сто брас, сто кроль. Отдыхаем и снова брас и кроль. Голову ниже и следим за ударом.

Выполняя задание, я глядела на квадраты светильников на потолке и на натянутые красные флажки. Соблазн взглянуть на Максима поборол меня на втором круге, и я поглядывала на него с удовольствием поворачивая голову. Он плыл стилем батерфляй, мощно выныривая из воды и загребая воду, благо розовые шапочки предусмотрительно перешли на третью дорожку.

— Маргарита, не задерживайтесь, вперед! В брасе выныривайте сильнее, — голос тренера спасительно отвлек меня от дельфина.

Моя тренировка закончится раньше, поэтому оставался шанс уйти незамеченной.

Но надо ли? Так — так Маргарита! Что за новости? Ой всё. Он меня даже не узнает в этой плавательной маскировке.

В борьбе мыслей пузырики воздуха выходили из рта, восстанавливая моё дыхание.

— На сегодня всё. До следующей пятницы. Можете ещё поплавать.

— Светлана, спасибо, что-то я устала.

— Да, вы сегодня бодрячком! Темп повыше стал. Поменьше отдыха в промежутках. Нужно наращивать выносливость.

Предварительно улучив момент, когда Максим нырнет в воду, я на руках подтянулась к бортику, выбралась из воды и пошлепала к раздевалке.

— Маргарита! Сланцы! — крикнула мне Светлана, стоявшая с другими тренерами у ступенек пьедестала почета.

План быстро смыться - утёк. Я мысленно знатно выругалась, сняла очки и осторожно балансируя босыми ступнями по сырой плитке добралась до лестницы и наклонившись втискивала ноги в капризную резиновую обувь.

Брызги долетели до меня и в каких — то жалких сантиметрах от моего лица оказался Максим, а точнее его влажное лицо, с густыми прилипшими к лицу бровями.

— Привет! — хитро сказал он, медленно снимая очки, точно рекламируя спортивную экипировку или себя. Да, он

точно знал себе цену.

— Ты?! Откуда ты тут? — спросила я, старательно изображая удивление и чувствуя свой провал.

Максим аки греческий бог вытянул на руках себя из воды и встал напротив меня избавляясь от шапочки, встряхивая головой.

Пальцы сами тянулись к нему, к его влажной коже, упругим выступам на груди, разделенных глубокой впадиной. Держи себя в руках, дорогая.

— Как поплавала? — любезно поинтересовался он, неприлично близко нависая надо мной.

— Вполне. А ты?

— Норм. Куда сейчас? Тебя подвезти?

«Никогда» стало сегодня.

— Я сама могу. Я за рулём — слишком резко стягивая шапку, я кажется выдернула несколько волос с головы. Да я это сделала, сегодня, сняла чехол с машины и поехала, но я не буду сейчас этим делиться.

— Ну ладно, тогда пока, — Максим пожал плечами, развернулся и направился в раздевалку, пока я молча провожала его.

— Макс, привет! — Светлана радостно крикнула Максиму и помахала ему рукой. Он свернул к ней.

О чем ещё они говорили я не слышала, потому что прошла мимо них в раздевалку.

Волосы спутались, полотенце упало в воду, бальзам хлоп-

нул и весь покинул тюбик.

Забывшее чувство ревности клокотало.

Ну так, а что. Тебе же не надо отношений. Поплавала — суши бошку и катись. Или возвращайся — скажи, что машина сломалась или что просто страшно ехать.

Ага. Конечно.

Отношения с этим! И что потом? Бесконечная ревность к студенткам, тренершам, официанткам, певицам, короче ко всем вокруг! За какой такой надобностью? Живу себе спокойно, никого не трогаю, книжки пишу. Чтобы левый глаз дергался?

В своем ретро каре включила старого доброго сэра Элтона и помчалась по проспекту.

Но планам, побыть наконец — дома не суждено было сбыться, потому что встретила у дома Мишу.

— Маргоша, привет! Как удачно! Выручай!

— Что случилось?

— Давай садись в машину, по дороге объясню.

— Я никуда не поеду, пока не объяснишь и вообще у меня может другие планы! — злость на флирт Максима до сих пор не прошел, хотелось кусаться и крушить, а не помогать, даже друзьям.

— Да ну что ты какая.

— Интересный ты, — фыркнула я.

— Очень. Давай-давай — он тихонько подталкивал меня к своей машине. Я же сложила руки на груди и demonstra-

тивно встала.

— Вот упрямая.

— Внимаю.

— Короче, у нас корпоратив, все парами, а я один, как дурак.

— Ты же директор – тебе всё можно.

— Рит! Предупрежаю – я обижусь.

— А ну тогда ладно, — сказала я, Миша выдохнул, — да нет конечно, что за бред. Про воду слышал, которую возят?

— Ритусь.

— Дай хотя бы переодеться, — сил после тренировки не осталось. Миша всегда меня выручал, вот позавчера с ключами, например, и в школе и сейчас по-дому.

— Не нужно! Ты в чем угодно, что надо!

— Брехло, — отмахнулась я от него.

Мои черные капри со стрелками и просторная черно — белая тельняшка никак не вязались с торжественным мероприятием.

— Вот так поехать? Ты уверен? У меня ещё волосы даже сырые.

— Да мы по — простому. А волосы высохнут, — он демонстративно открыл передо мной дверь машины и мне пришлось в неё сесть. Мы ехали под песни групп нашей юности: Сплинов, Борзова, Арии и Ленинграда.

— Это что за радио?

— Не поверишь — диск!

— Да ладно?

— Песни 2000 -х. Нарыл в гараже.

— Вот мы конечно скуфы.

— Кто?

— Мы раньше называли родителей предками, динозаврами, а теперь сами —скуфы.

— Спасибо за познания.

— Корпорат за городом? — уточняю я, понимая, что мы выехали на трассу.

— Да, недалеко.

Я сожалела о своем поспешном согласии поехать неизвестно куда и зачем. Машина мягко укачивала, и я отключилась и проснулась, когда движение прекратилось. Неприятный сушняк и гул в голове не предвещали ничего хорошего. Я посмотрела в окно и прочитала вывеску в слух:

— Три Кабана, — до меня дошло где мы, — Ты притащил меня на стрельбище! Ты нормальный? —устало причитала я.

— А ты бы поехала если бы узнала?

— Нет конечно! — ответила я и он развел руки, дескать, видишь. — Ну так связал бы меня, закинул в свой Крузак, раз тебе без разницы хочу я или нет.

— Не нагнетай. Как не посмотрю, ты дома тухнешь. Так же с ума сойти можно!

Ещё один.

— Ты с Юрцом случайно не знаком?

— Чего?

— Ничего. Шутка.

— Вот, отъехали от дома и ты уже шутишь. А дальше глядишь и.

— Да идите вы все! — пнула какую — то корягу и пошла в сторону дороги, вспоминая щебечущих Максима и Светлану.

— Скоро стемнеет. Ты далеко?

— Домой!

— Хватит дурить! Посмотри здесь лес, чистый воздух, озеро. Ну дай ты себе немного расслабиться! И нам тоже. Если ты боишься, я не буду к тебе приставать!

— Что? Запомни, я никого и ничего не боюсь! Хватит лезть ко мне, говорить, что мне нужно. Вы не знаете! Никто из вас! — мой крик перешёл в истерику. Я шла вдоль дороги, поднимая пыль, дергала руками, резко сгибая и разгибая, и уже больше скулила, чем говорила. Я думала, что одна, но сев на корточки, я обернулась и увидела Мишу. Он шел за мной по другой стороне дороги, пересек её и попытался обнять меня, но я увернулась. Внутри, странно, но я почувствовала...облегчение?

— А ну-ка пошли! —скомандовала я и быстро пошла в обратную сторону.

— Куда?

— Стрелять! Мы же за этим сюда приехали!

— Вот ты баба дурная! Как была, так и осталась. Давай хотя бы перекусим.

— Успеешь!

После инструктажа, я попросила оставить меня одну. Инструктор возражал, видя моё состояние, но Мишок сделал невозможное.

Ружье больно отдавало в плечо от выстрела, но как бы она не была сильна, я повторно заряжала и продолжала стрелять, не вникая попадаю я в мишень или мажу. Лупила и рыдала. Мне казалось я выплакала все слезы, какие сдерживала годами, но когда в раздевалке я увидела свое краснеющее плечо, то опять зарыдала.

Спазмы в животе блокировали дыхание, я согнулась в приступе и кашляла, пока не смогла вздохнуть. Глубокий вдох, снова запускать спазмы и всё повторялось. И дело тут совсем не в Максиме, скорее он сыграл роль триггера.

Часть моей скорби сердца вышла наружу красным пятном на коже. Покажись она вся, на мне не осталось бы живого места. Я больше не могу жить с ней.

Миша ждал меня за дверью и сразу проводил в просторный номер в большом бревенчатом домике. Не сказав ни слова он покинул его и я легла в постель не раздеваясь. Конец этому дню. Уже в дреме, думала о том, что многие проходят через похожее и живут дальше. Ещё вчера я не смогла бы даже допустить такую мысль. Кажется, мне и правда легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.